

КОН И.С. ЛУННЫЙ СВЕТ НА ЗАРЕ: ЛИКИ И МАСКИ ОДНОПОЛОЙ ЛЮБВИ. М.: ОЛИМП, 1998. – 496 с.

По данным всесоюзного опроса ВЦИОМ, в ноябре 1989 г. на вопрос: “Как следовало бы поступать с гомосексуалистами?” 33% опрошенных ответили – “ликвидировать”, 30% – “изолировать”, 10% – “предоставить самим себе” и только 6% – “помогать”... В 1994 г. количество желающих “ликвидировать” их уменьшилось до 22%. За “изоляцию” высказались 23%, за то, чтобы предоставить их самим себе – 29%, за “помощь” – 8% [1]. Таким образом, еще шесть лет назад каждый четвертый-пятый россиянин полагал, что люди, чьи пристрастия в личной жизни отличаются от общепринятых, должны быть физически уничтожены. Примерно столько же предпочли бы, чтобы они были изолированы от общества (помещены в гетто? тюрьмы? концлагеря?) Тюрьмы – в данном случае далеко не метафора. По 121 статье Уголовного кодекса, карающей за “мужеложство”, в 1930-1980-х гг. ежегодно осуждались и отправлялись в тюрьмы и лагеря около 1000 человек. Еще в 1989 г., в разгар “перестройки” и “гласности”, по этой статье были приговорены 538 человек, в 1990 г. – 497, в 1991 г. – 462, в первом полугодии 1992 г. – 227 человек. По сведениям МВД, на момент отмены 121 статьи (27 мая 1993 г.) в местах лишения свободы находилось 73 мужчины, осужденных исключительно за добровольные сексуальные отношения с взрослыми мужчинами, и 192 мужчины, отбывающих срок по совокупности этой и нескольких других статей.

Эти цифры, как и многая другая фактическая информация, приведенная в книге И.С. Кона, основоположника отечественной традиции в социологии сексуальности, известного специалиста в области социологии пола, позволяют оценить значимость социальной проблемы, именуемой «гомофобия». Такой социальный фон не мог не влиять и на ситуацию внутри академической науки: даже когда гендерные исследования вошли в моду и слово “сексуальность” в рамках социологического дискурса перестало казаться игровым и неуместным, так называемые “сексуальные меньшинства” продолжали оставаться практически невидимыми для исследователей. “Лунный свет на заре” оказался в этом отношении по-настоящему “прорывной” работой.

И дело вовсе не в торжестве “политической корректности” и гуманистического мировоззрения: без более или менее адекватного представления о феномене гомосексуальных отношений невозможно анализировать и “нормальные” гетеросексуальные отношения, да и сама концепция гендера как социального пола не может быть полностью реализована. Гендерная социология, в которой отсутствуют “другие”, не вписывающиеся в базовую нормативную модель, будет мало чем отличаться от традиционной советской социологии семьи, для которой отношения полов сводились в основном к пресловутой “ячейке общества” и главной социальной проблемой представлялось воспитание “потребности в третьем ребенке”.

Поскольку до сих пор существует дефицит какой-либо социальной информации об “однополой любви” (чтобы понять это, достаточно сравнить корпус отечественной социологической литературы с западными работами, опубликованными за последние 30-40 лет), для того чтобы эффективно заполнить образовавшийся вакуум, впору было издавать энциклопедию по соответствующей тематике. Книга И.С. Кона, в общем-то, и является такой энциклопедией. Она состоит из трех частей, каждая из которых могла бы составить отдельную научную работу. Первая часть содержит чрезвычайно любопытный обзор проблемного поля гомосексуальности в том виде, в каком оно представлено в социальных исследованиях. Откуда мы узнаем, что “такое бывает” и что “это нехорошо”? С чем связано расхожее представление о том, что гомосексуализм – психическое заболевание? Как получилось, что отношения, бывшие, например, в Античной Греции не только допустимыми, но и культурно санк-

ционированными, имевшие позитивную ценностную окраску, превратились в “неназываемый грех” и “несмываемый позор”, а потом и вовсе стали караться смертью?

И.С. Кон скрупулезно прослеживает конструирование и проблематизацию гомосексуализма в европейской культуре – сначала в медицине и, в частности, психиатрии, затем во фрейдистском психоанализе, криминалистике, антропологии, сексологии и, наконец, собственно в социологии. Особенный интерес представляет анализ возможностей количественных и качественных методов применительно к изучению этой темы. В самом деле, переворот в восприятии гомосексуализма в академическом дискурсе был произведен задолго до появления известных работ М. Фуко и Дж. Уикса и связан с публикацией результатов массовых опросов, проведенных в 1940-е годы группой А. Кинзи. Именно это исследование сексуального поведения американцев (на анкету Кинзи ответило около 20 тысяч респондентов) выдало потрясший Америку (в том числе и научную общественность) результат: 48% опрошенных мужчин и 19% женщин имели в своем жизненном опыте гомосексуальные контакты! Версия о том, что подобные отношения – удел кучки ущербных извращенцев, способных заинтересовать лишь персонал психиатрических клиник и не стоящих ввиду своей малочисленности и маргинальности внимания серьезной социальной науки, оказалась решительным образом подорвана. И.С. Кон цитирует материалы значительного количества репрезентативных опросов на эту тему, проведенных в разных странах Европы и Северной Америки (по России такой информации, к сожалению, не существует – в чем, впрочем, нет ничего удивительного). Вообще, несомненным достоинством книги является огромное количество фактической информации: цифр, дат, результатов обширного корпуса эмпирических исследований в области не только социологии, но и смежных наук (вплоть до нейрофизиологии и генетики). Разумеется, в ней присутствуют и имена наиболее значительных теоретиков, внесших свой вклад в современную социальную теорию сексуальности, таких как упомянутые выше Мишель Фуко, Джеффри Уикс, а также Моника Виттиг, Адриенна Рич и другие. Но главной задачей монографии, как представляется, было не столько развитие теории как таковой, но обеспечение российских теоретиков содержательным материалом, с которым они смогли бы потом работать, – необходимое предварительное условие при обращении к теме, которую еще недавно невозможно было даже озвучить.

Вторая часть книги – “Сквозь пространство и время” – представляет собой исторический очерк, охватывающий все наиболее известные культуры, эпохи и цивилизации. Такой сравнительный подход позволяет увидеть, что мужская и женская гомосексуальность являются не просто практикой определенных отношений, но социальным конструктом, который может иметь разную смысловую нагрузку и различное содержание, а нередко даже специфическим социальным институтом. Этнографический материал, приведенный в начале раздела, демонстрирует, что не существует “гомосексуального поведения вообще” (как не существует маскулинности и феминности вообще), оно подразделяется на несколько базовых типов, каждый из которых может запрещаться и допускаться, наказываться и одобряться в зависимости от сложившейся в данной культуре традиции. Но ни в одном обществе сексуальность целиком не укладывается в прокрустово ложе “правильных” гетеросексуальных союзов. “Любовь, не смеющая назвать себя”, является поистине “вечным спутником человечества”. Чрезвычайно интересно было бы проследить, как связаны социальные установки по поводу гомосексуальности с другими социокультурными факторами, определяющими тот или иной тип сообществ (любопытные, хотя и весьма произвольные размышления на эту тему присутствуют, например, у Бориса Парамонова). К сожалению, эта тема не получила в книге достаточно глубокого развития (может быть, закономерным следующим шагом после введения проблематики в научный оборот будет ее дальнейшая концептуализация). Зато в ней присутствуют убедитель-

ные примеры политизации гомосексуальности, превращения ее в идеологический жупел, эффективный способ стигматизации оппонентов. Весьма показательна в этом плане новейшая история Германии: если Бебель объяснял гомосексуальность исключительно пресыщенностью и сексуальными излишествами господствующих классов, то идеологи нацистской партии отождествляли ее с еврейством, женственностью и “моральным вырождением”. Читая кропотливо собранные автором материалы, невольно думаешь, что если бы гомосексуализма не существовало бы в природе, вероятно, он был бы выдуман политиками как великолепный предлог для политического уничтожения неудобных. Впрочем, не только политического: в нацистских концлагерях погибло, по разным подсчетам, от 5 до 15 тысяч мужчин, обвиненных в гомосексуальных связях.

Однако реконструируемая И. Коном история гомосексуализма ни в коем случае не состоит из одних гонений и репрессий. Виктимизация любых “меньшинств”, приписывание им роли вечных беспомощных и бессловесных жертв вообще свойственны классическому либеральному дискурсу. В “Лунном свете...” успешно преодолевается соблазн осмысления судьбы геев и лесбиянок в терминах сплошного Холокоста. “Гомосексуальная субкультура” постоянно дарит “Культуре большого стиля” мощные творческие силы, предлагала такие имена, без которых ее уже невозможно себе представить. Сомерсет Моэм, Ивлин Во, Уистан Оден, Аллен Гинзберг, Жан Жене, Марсель Пруст, Теннесси Уильямс, Уильям Берроуз, Лукино Висконти, Пьер Паоло Пазолини, Райнер Мария Фасбиндер, Мишель Фуко, Ролан Барт – это лишь XX век и лишь очень небольшая часть имен, которые можно встретить в монографии. Характерно, кстати, что в этом списке нет современных российских авторов (кроме, разве что, покойного Евгения Харитонов, который своей “ориентации” не скрывал, а наоборот, сделал ее “нервом” своих прекрасных напряженных текстов), и это не случайно: в нашей действительности это до сих пор прозвучало бы как донос. Вспомним еще раз результаты опроса ВЦИОМа...

Тем не менее, глава “В родных пенатах” кажется одной из самых интересных в книге. Как однажды заметила в устной дискуссии уважаемая коллега Наталья Козлова, “история русского тела еще не написана”. Действительно, помимо психоаналитических очерков А. Эткинды и литературоведческих работ С. Карлинского и Л. Энгельстайн, почти никакой научной литературы на эту тему не существует. “Лунный свет на заре” в какой-то степени позволяет восполнить этот пробел. Читатель может найти для себя множество любопытных и довольно неожиданных фактов: так, по историческим свидетельствам почти всех иностранных путешественников и дипломатов, побывавших на Руси в XV-XVII вв. (Герберштейн, Олеарий, Маржерет, Коллинс и др.), гомосексуальность была не только распространена во всех слоях общества, но и встречала к себе сравнительно терпимое, по тогдашним европейским меркам, отношение. Как показывает автор, “до 1832 года гомозеротизм был для русских людей проблемой религиозно-нравственной и педагогической, но не юридической” (с. 290). В 1832 г. новый уголовный кодекс, составленный по немецкому образцу, наказывал мужеложство ссылкой в Сибирь на 4-5 лет. Для сравнения: в Австрии смертная казнь за содомию была отменена только в 1787 г., в Пруссии – в 1794, а в Англии еще в первой трети XIX в. по обвинению в содомии было казнено свыше 50 человек. В 1903 г. было принято новое Уложение о наказаниях, согласно которому мужеложство каралось тюремным заключением на срок не ниже 3 месяцев. В первых советских уголовных кодексах гомосексуализм не упоминался, однако с укреплением режима все кардинальным образом изменилось: 17 декабря 1933 г. было опубликовано Постановление ВЦИК, которое 7 марта 1934 г. стало законом – гомосексуализм снова стал уголовным преступлением, карающимся лишением свободы на срок до 5 (!) лет. Примерно в это же время были запрещены аборты. Государство все более активно и жестко вмешивалось в личную жизнь своих граждан, причем если в отно-

шении абортотв хотя бы просматривался очевидный прагматический интерес – страна нуждалась в человеческих ресурсах, то введение 121 статьи, казалось бы, не имело никакой политической целесообразности. И тем не менее, она имела явно выраженную идеологическую подоплеку: нарком юстиции Николай Крыленко заявлял, что гомосексуализм – продукт разложения эксплуататорских классов, которые не знают, чем себя занять; в социалистическом обществе, основанном на здоровых принципах, таким людям вообще не должно быть места. Гомосексуализм был, таким образом, прямо “увязан” с контрреволюцией (с. 311).

После отмены 121.1 статьи и общего изменения культурного климата в стране гомосексуализм формально перешел в частную сферу, и в какой-то мере даже стала возможна его публичная манифестация. Проблемы геев и лесбиянок стали открыто обсуждаться в печатной и электронной прессе, в столицах функционируют “голубые” дискотеки, появилось несколько специализированных правозащитных организаций. Но это практически все, что можно узнать из монографии про современное состояние людей с “нетрадиционной ориентацией”. В этом, конечно, нет вины автора: соответствующие исследования почти отсутствуют. Мы не знаем, ни сколько “их”, ни как “они” себя чувствуют в “нашей” сегодняшней социальности, ни той роли, которая гомосексуальная “маркировка” играет сейчас в культуре. Не можем мы также и ответить на вопрос, какую роль такие “отклоняющиеся” паттерны играют в мужской и женской гендерной социализации, каков механизм, приводящий к тому или иному типу сексуального поведения.

Этому предмету, собственно, и посвящена третья часть книги И. Кона “Я и другие”. Она построена, в основном, на обзоре психологических научных работ, посвященных “становлению” сексуальной ориентации. Опять-таки, результаты процитированных в монографии исследований чрезвычайно интересны не только применительно к данной теме, но и с точки зрения изучения гендера вообще, поскольку вносят вклад в базовую дискуссию о соотношении биологического и социального в конструировании гендерной идентичности. Например, приводится точка зрения Джеймса Вайрикса (с. 339), согласно которой решающую роль в формировании образа идеального сексуального партнера играет не идентификация, желание уподобиться некоему образцу, а депривация, эмоциональный дефицит: человека привлекает пол того значимого лица (или лиц), от которого он был в детстве отчужден. В свете этой теории важным индикатором будущей сексуальной ориентации ребенка является пол детей, с которыми он *не* играет в младшем школьном возрасте. “Нормальные” дети предпочитают играть со сверстниками собственного пола. Девочки и феминизированные мальчики обычно исключают из своего круга общения “натуральных” мальчиков, которые кажутся им слишком агрессивными и грубыми. Маскулинные мальчики и казаки-девочки, наоборот, исключают из своих игр девочек. Такое отталкивание порождает у ребенка потребность компенсировать свою ущербность, и эта потребность с возрастом может трансформироваться в однополую любовь: феминизированные мальчики хотят, чтобы их любили мужчины, а маскулинные девочки, наоборот, тянутся к фемининным женщинам. “Экзотическое становится эротическим”.

Однако “групповой портрет” сексуальных меньшинств отнюдь не сводится в монографии к их индивидуальным психологическим характеристикам. Геи и лесбиянки – это еще и определенная социальная группа; критерий выбора сексуального партнера оказывается вполне значимым основанием для социальной стратификации – существует ведь в США феномен *gay community*. И пусть подавляющее большинство геев и лесбиянок не проявляет желания объединяться в коммуны, где все было бы “свое”, “вплоть до голубого баскетбольного клуба и общества геев-филателистов” (с. 331), можно говорить, по крайней мере, о специфическом стиле жизни, который, опять-таки, влияет на “гетеросексуальное окружение” и в какой-то степени даже

становится модным. Это не удивительно – согласно данным по странам, в которых возможно проводить репрезентативные исследования на эту тему, “меньшинства” являются весьма продвинутой в социальном отношении группой. Так, уровень образования американских геев значительно выше среднего: 49% из них учились в колледже и 14% в аспирантуре (среди гетеросексуалов соответствующие цифры – 37% и 7%). 72% канадских геев учились в университете, 31,2% окончили университет, а 12,8% аспирантуру. Среди восточногерманских геев доля интеллигентов вдвое превышала средние показатели по ГДР (с. 363). Среди американских геев и лесбиянок больше людей, имеющих собственное дело, и лиц так называемых свободных профессий (18% против 11% в среднем по США).

Термин “гомосексуализм” обычно связывается с мужчинами, хотя буквально означает лишь сексуальность, направленную на людей своего пола, каким бы он ни был. Тем не менее, большинство исследований “сексуальных меньшинств” связано с мужчинами, что не удивительно – именно мужской гомосексуализм исторически был объектом особенно жесткой социальной регуляции. Лесбиянство же, как пишет И.С. Кон, не столько каралось, сколько замалчивалось. Лесбиянство касалось женщин, а все, связанное с женщинами, подразумевало идеологию различия, которое обычно трактовалось как неполноценность. Так что если женщины как таковые не имели реального значения, то лесбиянки и их образ жизни и подавно не имели значения (с. 224). К сожалению, в “Лунном свете...” им тоже уделяется значительно меньше внимания, чем мужчинам, но все же две главы: “Вдвойне невидимые” и “Наследницы Сафо” – посвящены именно этой проблематике.

Монография базируется на огромном объеме литературы 1990-х годов и содержит прекрасную библиографию, которая позволит всем, кому это необходимо, сориентироваться в проблеме. Особенно обращает на себя внимание прекрасный, живой язык, сочетающий строгость в употреблении научных терминов и обаяние живой разговорной речи – книга читается с удовольствием, как хорошая проза. Несмотря на “экзотичность” темы, в книге нет ничего, что могло бы оскорбить самые пуританские нравы. Это просветительская книга – в самом высоком значении этого слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левада Ю.А.* Человек советский пять лет спустя: 1989-1994: Предварительные итоги сравнительного исследования // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1995. Январь-февраль. С. 10.

И.Н. Тартаковская
кандидат социологических наук